

Поселок Бутон

Впервые об этом поселке услышал я от геолога Сергея Борисовича Прозоровского, ныне покойного. Жил он на Теплой Горе, но в Кын приезжал ежегодно – здесь родина, могила отца, родительский дом. Беседа наша завязалась вокруг уральских минералов (я в то время в острой форме «болел» самоцветной лихорадкой, летом в учительский отпуск бродил по лесам и пригоркам Среднего Урала, рылся в старых копиях – и не напрасно: без добычи домой не возвращался). Сергей Борисович на Теплой Горе занимался золотом, а в юности у него, как, наверно, у любого настоящего геолога, была та же «минеральная болезнь», что и у меня, дилетанта. Рыбак рыбака... Вот он-то и упомянул заброшенный поселок Бутон в своем рассказе о минералах. В его окрестностях нашел он как-то полусгнившую проходнушку и следы кустарной промывки грунта: видно, кто-то из мужиков местных «старался», искал золотишко. Поразило меня странное «цветочное» имя, выпадающее из сурового топонимического ряда наших мест.

Через несколько лет название «Бутон» скупой строкой промелькнуло в одной из публикаций пермского «Мемориала». Как название одного из спецпоселков Уральской области. Ни географической привязки, ни конкретных цифр. Живи я в Перми – наверно, обратился бы в областной архив, но из кыновской глуши пермские архивы остаются вне зоны досягаемости. Что ж, поедем в Лысьву. Заведующая лысьвенским архивом Фаина Александровна о Бутоне слышала, но в ее фондах документов о нем мы не обнаружили. В двадцатые годы село Завод-Кын было административным центром Кыновского района Нижнетагильского округа Уральской области. Году в тридцать втором - тридцать третьем была проведена административная реорганизация, и Завод-Кын вошел в состав Лысьвенского района, а Кыновской район был поделен между Молотовской и Свердловской областями. Не в этом ли причина отсутствия архивной информации? Может быть, документы двадцатых годов попали в нижнетагильский или екатеринбургский архивы?

К поиску подключился Алеша Папулов, десятиклассник Кыновской школы. С Интернетом он в дружеских отношениях. А пока он рылся в сети, я начал опрашивать старожилов.

Кто больше всех видит и знает? Шофера. Значит, надо поговорить с Леонидом Григорьевичем Сивковым – в пятидесятые годы он в Кыновском сельпо шоферил, а позже дорос до директора Кооплеспромхоза.

Говорит Леонид Григорьевич Сивков.

На речке Сылвице стоял поселок Бутон. Я в тех местах бывал пару раз, когда работал шофером, продукты возил туда. Занимались они лесосплавом, лес по Сылвице в Чусовую сплавляли. Дорога к ним вела от села Серебрянки, часть пути лежала по железнодорожной насыпи, построенной в 1916 году для ж\д Кушва-Коноваловский завод. Машина по ней ходко шла. От Серебрянки расстояние приличное, а сколько точно – не помню. Кто там жил – сосланные или вольные – не скажу, врать не стану. Кажется, калужские.

К этому времени Алеша Папулов нашел в сети карту-двухкилометровку нашего района, а на ней обозначен поселок Бутон на реке Сылвице. Имя поселок получил от речки Бутон, притока Сылвицы, на которой он основан. Географическая привязка у нас появилась. Дело - за исторической.

Живой интерес к нашей краеведческой работе проявляет Петр Андреевич Штейников, бессменный директор Кыновского леспромхоза: и сам он знает немало, и материальную помощь оказывает. Он и посоветовал: «А вы расспросите Дмитрия Петровича Перевозчикова, он в Бутоне жил». Вот она – путеводная нить!

Дмитрий Петрович – правая рука директора леспромхоза, человек известный не только в Кыну, но и в районе – долгое время он был депутатом городской думы от наших мест. Встретил я его у ремонтных мастерских, рассказывал Дмитрий Петрович охотно, пересыпая речь крепкими выражениями. Привожу отредактированный вариант интервью. *Вспоминает Перевозчиков Дмитрий Петрович.*

Я родом из Калужской области. В войну наша деревня была полностью разрушена, бои в тех местах велись многодневные. Когда мы вернулись с матерью, то жили первое время в блиндажах, оставшихся от солдат. А на нашем земельном участке была вырыта траншея.

*Отец погиб на фронте, мать воспитывала в одиночку пятерых детей. Всех не уберегла: двое умерли. Мать взяла ссуду в 10 тысяч рублей на восстановление дома. С трудом, но построились. Земли у нас было 35 соток, и весь участок копали вручную, саперными лопатками. Ни тракторов, ни лошадей не было. Минимальная норма выработки в колхозе – 300 трудодней, а плата была 200 граммов зерна на трудодень. В 1947 году ввели новые деньги и отменили карточки, но карточки колхозникам не выдавались, они были только для горожан. Тут пришло время рассчитывать с ссудой, а если вовремя не выплатишь – набегают пени. Из наших мест несколько сильных мужиков уехали на лесозаготовки в Молотовскую область, писали оттуда, что жить можно. Затем туда уехало несколько семей. Вот я и стал подговаривать своих приятелей уехать в Молотовскую область. А было мне тогда лет четырнадцать. Называлось это проммобилизацией. **В 1951 году по проммобилизации уехали мы сначала в Молотов, а потом направили нас, калужских в Бутон. Ехали туда через станцию Кын, Кын-Завод, Ослянку, Серебрянку. От Серебрянки на Бутон две дороги: длинная 28 км и короткая конная дорога 18 км.***

В Бутоне нас ждали новые дома: за год до нас пригнали туда две бригады ФЗУшников-плотников, они эти дома построили. От довоенного поселка остались бараки и комендатура. Основали этот поселок ссыльные в тридцатые годы, они здесь лес заготавливали. А когда началась война, паек им перестали выдавать: видимо, не подвезли продукты. И начался у них голод. Комендантские почуяли чем дело пахнет и сбегали оттуда, а ссыльные остались: в военное время за побег из спецпоселка не помилюют. А когда дошли до ручки, решили все уходить в Серебрянку. Шли они короткой дорогой зимой, 18 км, но до села добрались не все, многие замерзли в дороге. А тех, кто выжил, подобрали Серебрянские мужики.

Вот в какое место нас привезли. В первые годы дикие звери в поселок заходили. Лес мы заготавливали вручную: топором да лучковой пилой, за год сплавливали до 60 тысяч кубометров. Дневная норма выработки была 8 кубометров на человека в день. Нам-то тяжело было, мы валить лес непривычные, а местные давали эту норму. Вот и посчитай, сколько надо было народа для такой работы. Весной по высокой воде штабеля леса сбрасывали в Сылвицу, а сами шли вниз с очисткой берегов. Сылвица весной сильно поднимается, часть леса обсыхает после спада воды, да и русло зажато в скалах, часто случались заторы. Заторы разбирали вручную, баграми. В первую весну сплав шел тяжело, спали под открытым небом у костров, а потом построили по речке избушки и в следующие годы ночевали уже в тепле. В этих избушках даже телефоны были подведены. От Бутона до Коноваловки по Сылвице 42 км – речка сильно петляет.

Иногда бригады перебрасывали на работу на другие участки сплава. Организация, которая этим занималась, Чусовской сплавтрест, ведала всем лесосплавом по Чусовой и ее притокам. Приходилось мне работать и на участке Кирпичной, нашу бригаду отправили туда сваливать штабеля леса в воду. Местные мужики, кирпиченские, брались за штабеля с толстомером, а нас, калужских, ставили на подтоварник. А с ним одна морока: не катится, да и объемы не те, нет заработка.

Из Бутона я ушел в армию, и уже туда не вернулся. В 1956 году Бутон закрыли, а территорию передали в Свердловскую область. Часть людей уехала в Нижний Тагил, часть – в Новую Мишариху, тогда в 1956-м и основали ее.

Подведем предварительные итоги. Первое: свидетельства очевидцев и карта удостоверяют существование Бутона. Второе: рассказ о гибели поселка в 1941 году скептики могут отнести к разряду легенд (хотя практика показывает, что подобные воспоминания ,как правило, точнее и полнее скупых документов). Не хватает хотя бы маленького документа, «штампа и печати», подтверждающих подлинность информации. И такая скупая строка нашлась. Алеша Папулов «нарыл» в Интернете.

Дислокация мест расселения и использования спецпереселенцев в Уральской области, не позднее мая 1931 г. (данные взяты по районам Пермской области)¹

Район	Хозорганизация	Кол-во семей	Примечание
Кыновский	Серебрянский ЛПХ	76	
Чердынский	Чердынский ЛПХ	220	
Березниковский	Яйвинский ЛПХ	697	
	Соликамский ЛПХ	794	
	Чердынский ЛПХ	-	Кол-во показано вместе с Соликамским ЛПХ
Косинский	Косинский ЛПХ	971	
Гаинский	Гаинский ЛПХ	499	
Кудымкарский	Строительский	68	
ВСЕГО ПО УРАЛЬСКОЙ ОБЛ.		47157	

А.Сулов. СПЕЦКОНТИНГЕНТ В ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ(1929–1953).

Бутон не назван, но это он: Серебрянский леспромхоз, 76 семей. Сколько же это может быть живых душ? Если брать в среднем по пять человек в семье – около 400. Трудоспособных не менее 150. Время основания – 1930-31 г. Не следует забывать, что в 1932-34 спецссылка пополнялась новыми партиями раскулаченными, восполнявшими «естественную» убыль рабочей силы.

Итак, история Бутона распадается на два периода: тридцатые – начало сороковых – он существует как спецпоселок раскулаченных, а с 1951 по 1956 – лесозаготовительный поселок вербованных. Исчезает в 1956, одновременно с Вынырком, Мишарихой – по команде «сверху». Что – лес закончился? Или власти следы заметить стали после двадцатого съезда партии?

В истории спецпоселков Кыновского района рано ставить точку. В рассказах старожилов упоминались названия Северный, Крутой (на реке Серебряной), казармы 111 км. Были в военное время на нашей земле поселки трудармейцев, репрессированных немцев Поволжья. Освобожденные из немецкого плена красноармейцы попадали в фильтрационные лагеря, а оттуда – кто на зону, а кто в трудармию. Десятилетиями люди молчали об этом. Даже сейчас, когда спрашиваю стариков, нет-нет да и прозвучит: «А меня за это не посадят?» Эту историю в советское время нельзя было знать, на официальном уровне она не существовала. Тем важнее сейчас, пока живы еще очевидцы, собрать их свидетельства. Свидетельства страдания, терпения, стойкости наших родителей, дедов, прадедов. Мы приняли от них эстафету народной жизни, чтобы передать ее своим детям.

¹ ЦДОО СО, ф. 4, оп.9, д. 218, л. 51-53.